

Привет, альтист!

С демонами в литературе нам уже приходилось встречаться. Все они соприкасались с нашей грешной землей лишь одной какой-то гранью своего бытия, пребывая в основном в иных, более высоких сферах. И вдруг появился «демон на догворе», герой нового романа В. Орлова «Альтист Данилов», проживающий в Останкине, играющий в оркестре известного музыкального театра и, самое главное, живущий нашими, земными заботами, а в то же время сочиняющий музыку, напряженно ищущий собственный путь в творчестве.

Роман, опубликованный в журнале «Новый мир», а недавно вышедший отдельным изданием, представляет собой некую радугу, вобравшей в себя самые разные краски и тона, один конец которой погружен в быт, в наше каждодневное существование, а другой скрывается от глаз в космических далах, уходит в высоты человеческого духа.

Вещь спорная, вызвавшая полемику, разноречивые мнения критиков. Справедливо, наверное, упрекая автора в композиционной рыхлости, некоторых длиннотах, критики разошлись во мнениях относительно того, с достаточной ли глубиной разработал автор свои идеи, остро и масштабно заявленные. По-разному встретили роман и читатели. Тем более интересно было встретиться с самим автором, задать ему вопросы.

Владимир Орлов начинал как журналист в «Комсомольской правде», очерки о строительстве дороги Абакан — Тайшет легли в основу его первой книги «Дорога длиной в семь сантиметров». На его счету романы «Соленный арбуз», «После дождика в четверг». Из взволнованного читательского письма в газету родился роман «Пропишество в Никольском».

И вот «Альтист Данилов», совершенно несконченный ни тематикой, ни манерой с прежними произведениями В. Орлова.

С вопроса о рождении замысла, о поисках новой манеры началась беседа с автором.

— Я с детства испытывал привязанность к сказке, — рассказывает Владимир Орлов. — Кроме того, любил фантастику — не научную, а опять же сказочную. А как автор писал истории драматические и даже трагические, как, например, «Пропишество в Никольском», где совершается преступление. Не чувствовал, что в показе трагической ситуации себя до конца не реализовываю. Я уже заканчивал «Пропишество...», все свое время отдавал работе над этим романом — двух вещей одно-

временно писать не могу, — и вдруг привязалась ко мне фраза о каком-то домовом Иване Афанасьиче. И тогда я начал одновременно с романом писать рассказ, который потом назвал «Что-то зазвенело» — о любви останкинского домового к земной женщине. Ситуации в нем возникали парадоксальные, смешные. Работая над этим рассказом в новой для себя манере, я ощутил непривычную радость, раскованность. Радость от свободы, с которой писалось. Было ощущение праздничности, приходили совершенно неожиданные повороты, слова. Там впервые для себя применил прием, который затем использовал в «Альтисте Данилове», — реальных людей, хорошо мне знакомых, поставил в фантастические ситуации.

— Рассказ этот, очевидно, лег затем в основу романа?

— Ни о каком альтисте Данилове я сначала писать не собирался, хотя альтист знакомый у меня был и есть. Мой друг Володя, прекрасный музыкант, человек красивый, пожалуй, даже эффектный. Приятели давно прозвали его «застенчивым демоном», и в моем сознании слово «демон» было приложимо к нему. У нас с ним действительно есть общие знакомые, которые всегда радовались его вечерним приходом после спектакля. Откуда-то на столе при его появлении возникали всевозможные яства. И я, несколько обиженный таким предпочтением, говорил ему в шутку: «Ну, я тебя в комедию вставлю!» И даже написал один абзац про наши траты. И забыл об этом абзаце, удовлетворив свое ревнивое чувство. А затем я вспоминаю об этом листочке, нахожу его и пишу первую главу. И опять бросаю.

А потом я понял, что буду продолжать эту вещь, писать про музыканта, потому что он уже ожил в рукописи. А раз про музыканта, значит, про музыку, про творчество.

— Значит, и главная тема романа — творчество?

— Некоторые критики нашли, что ключевые слова в романе — «хлопоты, заботы». Не заботы, не хлопоты, а музыка, творчество — вот ключ к роману. Творческое состояние художника, связь его с жизнью, с обществом именно сейчас, в XX веке, — вот что меня волновало. И, конечно, я не мог пройти мимо быта, который нас всех захватывает своей суетой, хотел показать жизнь художника, творца, который обязан подниматься над этим бытом, преодолевать его, не ища никаких оправданий ни перед собой, ни перед другими.

И то, что мой герой обре-

чен чувствовать все, как у меня сказано, «колебательные движения», происходящие даже в самой дальней точке земли, — это ведь плата художника за свой талант. Чем он тоньше воспринимает мир, тем более обнажена его душа, тем более он страдает людям — и каждому, и всем. А «люстра», которую в качестве наказания как бы подвешивают над героем, — это напоминание об ответственности за все происходящее вокруг, которую должен чувствовать каждый истинный художник. Вот что я хотел сказать в романе. Удалось или нет — судить не мне. Рад, что многие читатели это в романе увидели. Вот что написала мне Н. Фомина из Краснодара: «Главное все же — это, конечно, рождение музыки... Суетность, заботы, тебе навязывают образ поведения... Так что демонизм Данилова — это выход в жизнь без будней, это качество всякого по-настоящему талантливого человека — свойство отрешаться, быть выше обстоятельств и не только не поддаваться им, а и обращать их себе на пользу, превращая в чувство, в эмоцию, в точку зрения».

— Вы не можете пожаловаться на недостаточное внимание критики к вашему роману. Хотелось бы услышать ваши суждения по поводу двух вопросов, поднимавшихся критикой. Это, во-первых, влияние творчества Михаила Булгакова, во-вторых, некоторые слабости в конце романа...

— Когда я пишу сам, я стараюсь любимые мной прозаические вещи не читать. Больше читаю книги по искусству, по истории. На сей раз у меня самого была боязнь, что получится подражание Булгакову. В общем-то, он первый укоренил романтическую фантастику на московской почве, как ранее она была укоренена на петербургской или — если обратиться к немецкой литературе — на почве германских городов. Но если говорить о какой-то традиции, то я скорее следовал Гоголю.

Если говорить вообще о том, что влияло на меня в процессе работы, то это прежде всего мифология. Девять Слов я, например, взял из мусульманских мифов. Еще один источник — книги по астрофизике. Я их читал с огромным интересом, знакомился с новейшими теориями мироздания. После того как вышел роман, один ученый интересовался, нет ли у меня физико-математического образования. По его мнению, я в романе обосновал какую-то новую космическую теорию. То, что накапливалось исподволь, реализовывалось затем в процессе работы, соз-

давая тот самый сплав фантастического, поэтического и реального, который был необходим.

Что касается слабостей в конце романа, то они очевидны и для меня, и я вижу две причины. Во-первых, исчезла так нужная мне импровизационность в работе; все выстроилось, стало на свои места, сделалось ясно и... скучно. Во-вторых, правильно говорил Юрий Нагибин: работа над каждой вещью должна иметь свою скорость и определенность во времени. Надо было мне раньше кончить свой роман.

— Интервью, я понимаю, тоже надо кончить вовремя, но хотелось бы все же вернуться еще раз к героям романа. О прототипе альтиста вы уже сказали. Откуда пришли другие герои?

— В общем-то, героем можно назвать одного альтиста. В том условном жанре, в котором написан роман, всегда один, от силы два-три героя. Остальные персонажи нужны скорее для передачи истории жизни героя.

Конечно, в каждом есть черточки конкретных людей. Клавдия — бывшая жена альтиста, вобрала, например, черты трех хорошо знакомых мне женщин. Ростовцев, организатор «инициативной группы хлопот о будущем», тоже вполне реальная фигура. Трагическая судьба Миши Коренева, не перенесшего отсутствия в себе большого таланта, также имеет свои жизненные аналогии.

— А Большой Синий Бык, на котором держатся небесные Девять Слоев, в котором мечтает хоть ненадолго превратиться один из персонажей романа? Он так и остался загадкой.

— В таком романе должна быть какая-то тайна и для автора. Без этого вообще, помоему, нет сказки. Пусть этой тайной останется Синий Бык.

Перед тем как уйти, я еще раз бросил взгляд на висевшую в кабинете писателя картину, которую художница Т. Назаренко написала под впечатлением романа «Альтист Данилов». Стены и крыши домов большого города. Усталое женское лицо на переднем плане. А над крышей одного из дальних домов — тоненькая фигурка летящего человека. Это он, талантливый и жизнелюбивый демон. Летит по делам. Не своим, а нашим, общим. А завтра мы встретим его в озабоченной толпе и даже, может быть, узнав в лицо, бросим: «Привет, альтист!». И унесемся дальше со своими заботами, тревогами и надеждами. Но что-то доброе останется в душе, как бывает всегда, когда встретишь хорошего человека.

А. ЮРИКОВ.